

НОВГОРОДСКИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Новгород
2004

НОВГОРОДСКИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2

Материалы научной конференции, посвященной 70-летию
археологического изучения Новгорода и 100-летию со дня рождения
основателя Новгородской археологической экспедиции

А. В. Арциховского

Великий Новгород, 21–24 сентября 2002 г.

Под редакцией
В. Л. Янина, А. С. Хорошева, Е. А. Рыбиной

Великий Новгород
2004

УСАДЬБА «И» НЕРЕВСКОГО РАСКОПА. ОПЫТ КОМПЛЕКСНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ХРИСТИАНСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

Усадьба И Неревского раскопа, археологическое изучение которой связано с именем А. В. Арциховского, неоднократно привлекала внимание ученого сообщества. Территория усадебного двора, исследованного в 1955–1960 гг., оказалась разделенной границами 9 разновременных раскопов, что создало определенные трудности при изучении исторической планировки усадьбы и сведении воедино всех элементов ее историко-археологического комплекса¹. Двор усадьбы, насчитывающей 14 строительных периодов X–XV вв., располагался в юго-западном углу перекрестка Великой и Козмодемьянской улиц². Ее размеры в момент возникновения в третьей четверти X в. составляли более 1000 кв. м. В первой половине XI в. усадьба делится частоколом на две части (восточная жилая зона и черный двор на западе). Отсутствие скотного двора свидетельствует, скорее всего, о вхождении усадьбы в более крупное объединение городских дворов, получившее в новгородской историографии название патронимии. Усадебная планировка характеризуется традиционностью. В XIV–XV вв. здесь располагается один большой дом (7x7,5 м) и 4–5 незначительных по площади построек (20–25 кв. м), которые обычно расценивались как жилища «зависимых ремесленников»³. Частокол, разделяющий усадьбу, исчез в XIII в., и размеры ее жилой части изменились к началу XIV в. с 680 кв. м до 1015 кв. м, что объясняется вселением сюда представителей новгородской аристократии⁴.

Последний факт был засвидетельствован в процессе изучения новгородских древностей, когда выяснилось, что ряд усадеб в южной части Неревского конца принадлежал боярскому роду Мишиничей-Оницифоровичей⁵. Основу такой идентификации составила совокупность остатков каменного терема на усадебном дворе Д, расположенному напротив усадьбы И на другой стороне Козмодемьянской улицы, и найденных там же берестяных грамот, написанных Варфоломеем Юрьевичем (рубеж XIII–XIV вв. – до 1342 гг.) (№ 391) и Лукой Варфоломеевичем (не позднее 1333 – до 1342 гг.) (№ 389), или же адресованных Оницифору Лукичу (не позднее 1342 – до 1367 гг.) (№№ 98, 99, 100, 101) и Юрию Оницифоровичу (не позднее 1367 – до 1417 гг.) (№№ 94, 97, 167, 180, 273)⁶. На усадьбе И были найдены грамоты, связанные с Оницифором Лукичем,

в частности, его письма матери (№№ 354, 358)⁷, или же адресованные ему послания (№№ 362, 370)⁸, а также письма, где адресатами и адресантами были Максим Оницифорович (№ 370)⁹, Михаил Юрьевич (№№ 157, 297, 300, 301, 306, 308, 311, 313)¹⁰, Андреян Михайлович, Никита Михайлович и Настасья Михайлова (№№ 303, 307)¹¹, которые были отождествлены с потомками Юрия Оницифоровича по линии Михаила Юрьевича¹². Если усадьба Д предстает связанный с четырьмя поколениями рода Мишиничей уже с рубежа XIII–XIV вв. по 1417 г., то на усадьбе И присутствие этого клана археологически известно начиная лишь с середины XIV в. (возможно, после 1342 г.) по 1446 г., а ее принадлежность в предшествующее время не верифицируется.

Однако в период 1268–1369 гг. на усадьбе определенно проживали священнослужители, что явствует из текста берестяных грамот, где они упомянуты в качестве адресатов или же собственников бытовых вещей, а также грамот, содержащих церковную фразеологию (№№ 177, 244, 317, 319, 323, 329, 330, 331, 368)¹³. Сегодня, в свете находок берестяных текстов гомилетического характера (г. Торжок, № 17, 2001 г.)¹⁴, грамоту № 317, содержащую отрывок обличительного содержания¹⁵, которая обычно рассматривалась как бытовое письмо, где укор адресату выражался «трафаретными церковным оборотами»¹⁶, мы предлагаем интерпретировать как записанный фрагмент проповеди. В грамоте № 331 читается текст церковно-литературного характера, использующий, по нашему мнению, цитаты Пс. 6:2 и Пс. 26:3¹⁷. Дополнительным свидетельством в пользу проживания на усадьбе духовенства послужила серебряная мирница (1281–1299 гг., 12-16-1560)¹⁸.

Существуют различные гипотезы о характере отношения клириков и бояр к изучаемой усадьбе: приобретение двора новгородскими боярами у духовенства, аренда усадьбы клириками непосредственно у Оницифоровичей¹⁹, «определенная зависимость» священнослужителей от боярского клана, выделившего часть усадьбы для проживания клириков одной из близлежащих церквей²⁰. Последнее предположение косвенно подтверждается текстом грамоты № 177 (1340–1369 гг.), содержащей хозяйственные указания свя-

щеннослужителю²¹. Принято считать, что концентрация находок, связанных с бытом духовенства, в восточной части усадьбы, выгороженной частоколом, указывает, что священнослужителям была выделена лишь часть этого двора²².

В свое время М. В. Седова предположила, что еще со второй половины XII и до конца XIII вв. усадьба принадлежала «какому-то церковному подворью»²³. Кроме грамот, на это, по мнению исследовательницы, указывают происходящие с той же усадьбы каменные византийские иконки, ампула-евлогия из Фессалоники (1161–1197 гг.) и ее местная копия конца XIII в.²⁴ Впоследствии М. В. Седова присоединилась к мнению, что священнослужители занимали лишь часть усадьбы в ограниченный период времени. Однако для периода 1161–1197 гг. можно говорить о связях «представителей рода бояр Малышевичей-Мишиничей» с Византией, что подтверждается находками на усадьбе пalomнических реликвий. «Устойчивость религиозных устремлений» этого боярского рода, по мнению исследовательницы, проявилась в том, что в XIII в. усадьба была выделена для проживания священнослужителей²⁵.

До сих пор вопрос о владельческой принадлежности усадьбы в XI–XII вв., как и о проживании здесь в это время представителей клира, не может считаться окончательно решенным. Представляется, что сегодня для ответа на него имеются дополнительные источниковедческие возможности. Анализ христианских древностей в контексте информации берестяных грамот позволяет уточнить существующие в науке взгляды на историю усадьбы. В целом комплекс христианских древностей усадьбы И, представленный не менее чем 39 предметами, оказывается достаточно представительным и сравнимым с наборами предметов церковной культуры, исследованных на других усадьбах Неревского раскопа (усадьба А – 13 предметов, усадьба Б – 42 предмета, усадьба Г – 8 предметов, усадьба Д – 22 предмета, усадьба Е – 19 предметов)²⁶. Сюда относятся 10 предметов из цветного металла, 20 из янтаря, 5 каменных изделий и 4 деревянных предмета. Ко второй половине XII в. относятся 5 предметов, к первой половине XIII в. – 5, ко второй половине XIII в. – 9, к XIV в. – 6, к первой половине XV в. – 14. Вопреки устоявшемуся мнению, ампула-евлогия из Солуни (17-21-1490, КП/25293/A5/119) происходит не с территории усадьбы И²⁷, а с другого принадлежавшего Мишиничам усадебного двора – Д. Подражание этой ампуле (13-18-1298;

КП 34792/1162; 1260–1270 гг.) вновь найдено на другой усадьбе – К, отделенной от усадьбы И Великой улицей. В первой половине XV в. этот двор был связан с родом «русских посадников» Василия Никитича (1416, 1420/1421, 1423 гг.)²⁸ и Ивана Васильевича (1435, 1442 гг.)²⁹. Топография находок характеризуется равномерным распространением христианских древностей по территории усадьбы на различных этапах ее существования в качественном и количественном отношениях, что не позволяет нам присоединиться к мнению, что клирикам была выделена лишь ее восточная часть (Рис.1). В число христианских древностей, относимых нами к комплексу усадьбы И, входят следующие артефакты:³⁰

1116–1134 гг. Крест с выемчатыми эмелями, 4x3 см (20-21-1986) (Рис. 2: 1). Подобные кресты, широко известные на Руси, производились в Киеве, в частности, в археологически исследованных мастерских на Подоле³¹.

1161–1197 гг. Иконка каменная с образом «Положение во гроб» (18/17-19-1558), 4,7x3,4 см (Рис.2: 2); фрагмент иконки с образом неизвестного святого (18/17-19-1575), 1,8x1,9 см (Рис.2: 3). Иконки византийской работы не только характеризуют связи проживавших на усадьбе лиц с Византией, но и свидетельствуют о скорости распространения иконографии, выработанной в Константинополе, на окраинах ойкумены. По мнению I. Kalavrezou-Maxeiner, появление подобных сюжетов в прикладном искусстве относится к концу XII в.³² Бронзовое крепление для подвешивания лампады (18/17-20-1590; КП34792/1114) (Рис. 2: 4).

1197–1224 гг. Подсвечника бронзового деталь (16-19-1652, КП 25293/A5/27). (Рис. 2:6); Креста янтарного фрагмент (16-19-1590; КП 34661/198), креста янтарного с парными выступами на концах фрагмент (16-19-1602; КП 34661/91) (Рис. 2, 7).

1220–1260 гг. Энколпион литой из бронзы концы с каплевидными утолщениями изображение Спасителя передано гравировкой и доработано резцом, на обороте черневой 8-конечный крест с сиянием в средокрестии и аббревиатурой Христа в медальонах (15/14-17-1991), 3,8x5,7 см (Рис. 2: 8). Подобные кресты с датой, середина – вторая половина XII в. были выделены Г. Ф. Корзухиной в тип IV.³³ А. А. Медынцева считала временем их изготовления начало XIII в.³⁴ Основное распространение таких крестов в XII–XIII вв. ограничено ареалом Южной Руси (Киев, Чернигов, Галич), единичные находки известны в

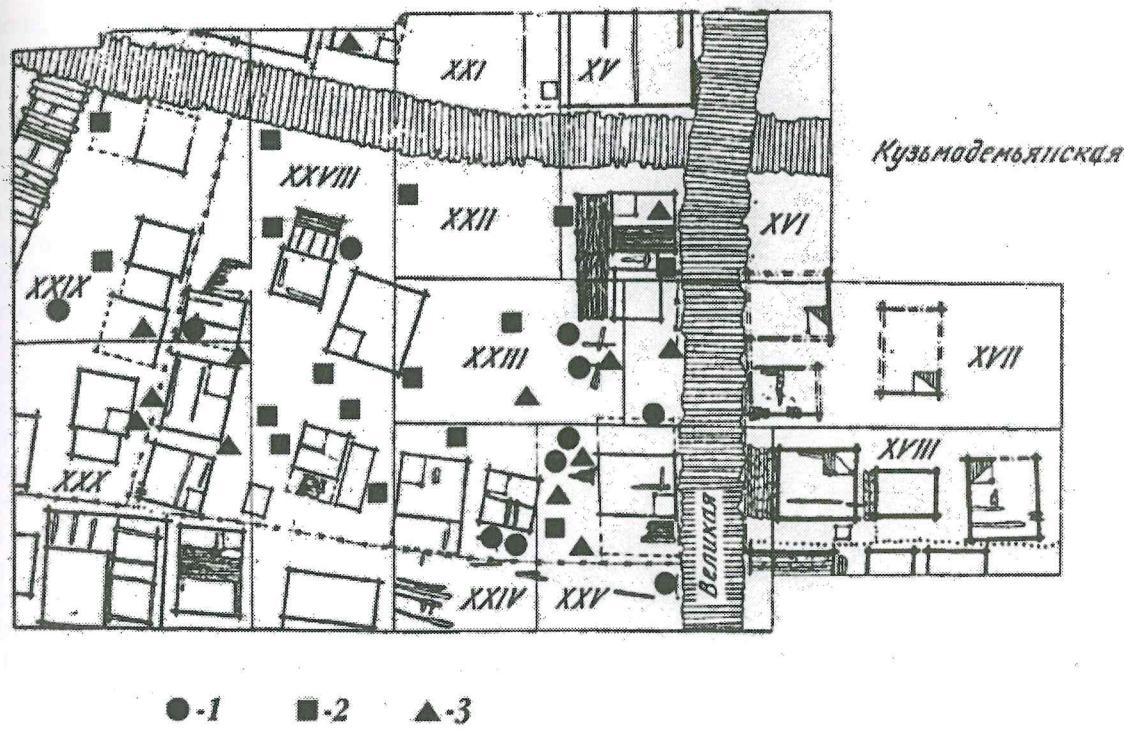
найден
усадьбы XV в.
их по-
(1421,
2 гг.)²⁹.
равно-
нских
азлич-
енном
тозво-
о кли-
часть
ей, от-
, вхо-

и эма-
. По-
Руси,
в ар-
ских

язом
4,7х
язом
1,8х
рабо-
ожи-
но и
ения
ино-
по I.
к сю-
ся к
две-
792/

зого
Рис.
590;
ими
302;

юн-
ими
лов-
не-
ес-
нах
об-
ло-
й в
лем
ас-
ог-
пи-
и в

*Рис. 1. Топография христианских древностей усадьбы И Неревского раскопа
(застройка и планировка приведены для 13 строительного яруса 1268–1281 гг.)*
1- древности 1-й пол. XII – 1-й пол. XIII вв., 2 - древности 2-й пол. XIII–XIV вв., 3 - древности конца XIV–XV вв.

Белоруссии (городище Маскавичи), Херсонесе, Саркеле и Серенске, для Северной Руси этот тип до сих пор является уникальным. Характерной особенностью подобных энколпионов является архаичная форма и техника изготовления, хотя находки старше XII в. не известны.

1224–1238 гг. Фрагмент креста янтарного с парными выступами на концах (15-17-1518) (Рис. 2: 9). На фоне всего корпуса новгородских янтарных крестов такая форма отличается своей индивидуальностью³⁵. Ближайшую аналогию представляет крест (3/4-17-173), современный настоящему экземпляру (1201 г. – середина XIII в.) и происходящий с территории усадьбы Б. Федоровского раскопа. Крест шиферный с прочерченным внутри крестом (15-18-1603, КП 34767/A79/25) (Рис. 2: 10). Крест каменный из песчаника со вставками из перламутра и утерянной вставкой из полудрагоценного (?) камня (15-16-1799, КП 34767/A79/44) (Рис. 2: 11).

1260–1280 гг. Энколпиона створка медного литого с парными выступами на округлых концах и с узором перегородчатой эмали (синей, зеленой, желтой, красно-фиолетовой) в форме городков и крестов в розетке (13-14-1801), 4,8x7,8 см (Рис. 2: 12). Г. Ф. Корзухина выделяла эти энколпионы в V группу³⁶. Круг распространения эмальерных энколпионов

ограничен Южной Русью (Киев, Чернигов, Юрьев, Белгород, Звенигород, Галич), случайная находка происходит из Костромской губернии, время изготовления – вторая половина XII в.³⁷ Основная группа этих энколпионов имеет форму креста со слегка расширяющимися концами и парными каплевидными выступами – «слезками» на них, сравнимую с энколпионом (15/14-17-1991). Для Северной Руси такая вещь является уникальной.

1238–1268 гг. Подвески с процветшим крестом (14-15-1902), (14-17-1602). По мнению Ю. М. Лесмана, распространение образа креста и его декоративного варианта в Новгороде в конце XII–XIII вв., в том числе и появление подвесок указанного типа, свидетельствует о качественных сдвигах в христианской культуре Средневековья³⁸.

1268–1281 гг. Деревянный квадратный хлебный штамп с изображением процветшего креста (13-15-1807), в котором уверенно опознается печать для просфор³⁹ (Рис. 2: 13). Об этом свидетельствует как форма, удерживающая в литургической практике с IV в. до эпохи развитого средневековья⁴⁰, так и анализ имеющихся в наличии письменных памятников, определенно свидетельствующих о длительном переживании практики домашнего печения просфор⁴¹. Примечательно, что из 6 подобных печатей, найденных на Неревском

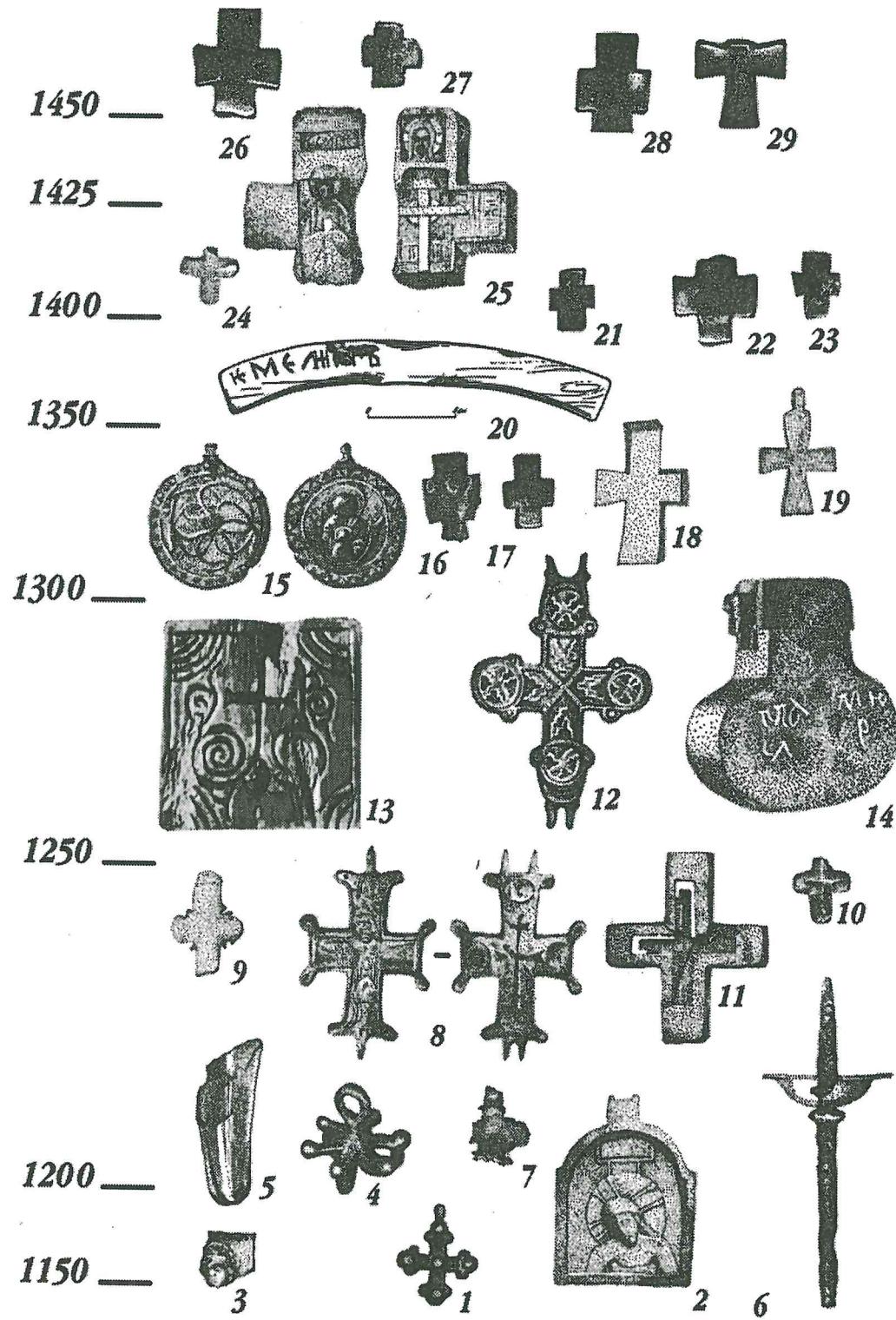

Рис. 2. Хронология христианских древностей усадьбы И Неревского раскопа
(Художник – А. О. Кох, компьютерная графика – С. Е. Торопов).

1 – крест бронзовый с выемчатыми эмалью (20-21-1986), 2 – икона каменная (18/17-19-1558), 3 – фрагмент иконки-литика (18/17-19-1575), 4 – бронзовое крепление для подвешивания лампады (18/17-20-1590), 5 – фрагмент стеклянной лампады (17/16-23-1167), 6 – подсвечника бронзового деталь (16-19-1652), 7 – крест янтарный (16-19-1602), 8 – энколпцион бронзовый с чернью (15/14-17-1991), 9 – крест янтарный (15-17-1518), 10 – крест каменный (15-18-1603), 11 – крест каменный (15-16-1799), 12 – створка энколпиона медного литого с четырехцветной выемчатой эмалью (синей, зелено-желтой, красно-фиолетовой) (13-14-1801), 13 – штамп деревянный (13-15-1807), 14 – сосуд-мирница серебряная (12-16-1560), 15 – змеевик свинцово-оловянный (10-14-1790), 16 – крест янтарный (9-10-1172), 17 – крест янтарный (8/9-9-1913), 18 – крест янтарный (8-12-1172), 19 – крест бронзовый (8-10-1579), 20 – навершие посоха деревянное (8-11-1594), 21 – крест янтарный (7/8-8-1880), 22 – крест янтарный (7/8-6-1937), 23 – крест янтарный (6-8-1563), 24 – крест янтарный (4/3-4-1758), 25 – крест деревянный (2-3-1550), 26 – крест янтарный (1-6-1952), 27 – крест янтарный (0-1-1951), 28 – крест янтарный (0-1-1962), 29 – крест янтарный (выброс 2-4 пласта раскопа XXX).

раскопе, две обнаружены на усадьбе И, а остальные (18-23-68, 13-15-438, 10-10-475, 3-9-226) – в связи с усадьбой Б, являвшейся крупным городским хозяйством, где несомненно существовало свое просфоропеченье.

1268–1299 гг. Крест янтарный (13/12-15-1807).

1270–1290 гг. Мирница серебряная (12-16-1560) (Рис. 2: 14). Аналогии среди литургических сосудов не известны. Наличие двух отделений с соответствующими надписями «мюро» и «масло» и сохранившейся внутри деревянной лопаточкой для помазания свидетельствует о ее использовании в таинстве Крещения, при совершении которого употреблялись оба вещества⁴². Парные выступы на концах говорят о наличии в свое время тесьмы, с помощью которой крещальный сосуд носился иереем на груди, что удержалось в практике до сих пор. Внешние очертания мирницы близки к античным бытовым флаконам⁴³, что хорошо вписывается в известную нам эволюцию литургических сосудов, восходящих в своей морфологии к формам повседневной посуды эпохи поздней античности и раннего средневековья.

1281–1299 гг. Креста янтарного с парными выступами на концах фрагмент (12-18-1170).

1299–1313 гг. Деревянный квадратный хлебный штамп с изображением креста, вписанного в круг и ромб (11-12-1829), являющийся, по нашему мнению, печатью для просфор⁴⁴.

1313–1340 гг. Змеевик с образом Божией Матери Знамение, происходит из сруба № 31 (10-14-1790; КП 25293/A5/115) (Рис. 2: 15). Изготовлен из оловянисто-свинцового сплава. Форма его змеевидной композиции близка к поздним змеевикам XV в., выполненным в виде киотца⁴⁵, однако встречается и ранее; композиция может быть отнесена к VIII типу по А. С. Орлову «серповидный сложнопересекающийся»⁴⁶, характерному как раз для змеевиков с Богородичными мотивами⁴⁷. Змеевики с образом Божией Матери Знамение происходят из погребения у д. Погостище Вологодской области на р. Модлона, с селища у Ярополча Залесского, собраний ГЭ и ГИМ, свинцовый змеевик, полностью аналогичный по форме новгородскому, найден при раскопках Бересты (Белоруссия) в 1973 г.⁴⁸ Характерны для Северной и Северо-Восточной Руси.

1340–1362 гг. Крест янтарный (9-10-1172) (Рис. 2: 16).

1340–1382 гг. Крест из янтаря (8/9-9-1913; КП 34661/87) (Рис. 2: 17); подсвечник (8/9-11-1819).

1368–1382 гг. Крест янтарный, 3,5x2 см

(8-12-1172) (Рис. 2: 18), бронзовый крест с расширяющимися концами и процарпанной надписью ИС ХЪ НИКА (8-10-1579; КП 34792/A110/622) (Рис. 2: 19).

1382–1409 гг. Кресты из янтаря (7/8-8-1880; КП 34661/86, Рис. 2: 21), 7/8-6-1937; КП 34661/80, Рис. 2: 22).

1382–1396 гг. Крест янтарный (3-7-1521, происходит из сруба №3).

1396–1409 гг. Крест янтарный (6-8-1563; КП 34661/52) (Рис. 2: 23); креста янтарного фрагмент (6-10-1172).

1409–1429 гг. Крест янтарный (5/4-4-1631).

1422–1446 гг. Крест янтарный (4/3-4-1758; КП 34661/68) (Рис. 2: 24).

1446–1462 гг. Креста деревянного фрагмент с образом Спаса Нерукотворного, т-образным крестом и святителем Василием (2-3-1550) (Рис. 2: 25). Подобное изображение т-образного креста присутствует на резном kostяном кресте, найденном в 1996 г. на усадьбе Е Троицкого раскопа (+2-1349)⁴⁹, резной деревянный крест с Распятием и избранными святыми, найденный в шурфе Б1 в Кремле на уровне 3/4 яруса мостовой Великой улицы в 1979 г., несет на себе образ прп. Варлаама, схожий по иконографии с изображением св. Василия неревского экземпляра.

После 1462 г. Кресты из янтаря (1-6-1952 (Рис. 2: 26), 0-1-1951 (Рис. 2: 27), 0-1-1959, 0-1-1962 (Рис. 2: 28), выброс 2–4 пласта раскопа XXX (Рис. 2: 29)).

Концентрация найденных на усадьбе христианских древностей в контексте их южнорусского и византийского происхождения может, на наш взгляд, использоваться в качестве дополнительного археологического аргумента, подтверждающего непрерывное проживание священнослужителей на усадьбе И в период с конца XII в. по вторую половину XIV в., как это в свое время предположила М. В. Седова. К находкам второй половины XII – первой половины XIII вв., определенно связанным с церковным бытом, относятся также несколько поливных керамических плиток (17-1650, 18-1639, 22-1628), деталь подсвечника (16-19-1652) и бронзовое подвесное крепление для лампадофора (18/17-20-1590).

С последней находкой предположительно связаны и фрагменты донцев сосудов желтовато-зеленоватого стекла конической формы (17/16-23-1167, 1177–1224 гг., КП 11784/A46/67; 18/17-20-1876, 1161–1197 гг., НИАМ 17682-51), аналогии которым известны в европейских и византийских древностях⁵⁰ (Рис. 2: 5). Их функциональное использование предполо-

жительно связывается нами не с бытовой посудой, а с лампадофорами XII–XIV вв., которые представляют собой бронзовые прорезные диски диаметром 15–20 см с тремя петлями, что позволяет их подвешивать горизонтально. Основным конструктивным элементом этих лампадофоров, известных в Киеве (коллекция Б. И. и В. Н. Ханенко), Новгороде (Тр X - 1988 - 6 - 1007; Тр X -+7-1080), Коринфе, Скифополисе (Бет-Шане), в собраниях Британского музея и Национального заповедника «Херсонес Таврический», является серия отверстий небольшого диаметра, расположенных на внутренней окружности, или одно отверстие в центре⁵¹. Указанный тип сосудов идеально подходит как вставки в эти отверстия, что и позволяет рассматривать их как непосредственные предтечи современных храмовых и домашних лампад.

Необходимо учитывать и комплекс «гравированных Онфима» (№№ 199-207, 208, 210, и, очевидно, № 331), относящийся к периоду 1224–1268 гг. и связанный с обучением письму⁵². Изначальная связь духовенства со школьной грамотностью и процессом обучения и воспитания в Древней Руси, как и использование в религиозном быту уникальных предметов культа, свидетельствуют в пользу большей древности проживания на этом дворе представителей духовного сословия, по крайней мере уже со второй половины XII в. Эти наблюдения подтверждаются относительной стабильностью застройки усадьбы этого времени, что не предполагает изменения социального статуса проживавших здесь лиц.

Представления о традиционности проживания духовенства на усадьбе И в XII–XIV вв. должны быть дополнены возможным свидетельством об изначальной связи этого городского двора с родовой аристократией. К комплексу христианских древностей необходимо отнести идеально обработанный с обеих сторон фрагмент породы характерного темно-зеленого камня со светло-зелеными вкраплениями правильной геометрической формы (3x2,6x2,1 см; 23/24-26-1245; КП 34767/A78/2208), который найден в слоях, датируемых 1025–1076 гг. (Рис. 3: 6). Среди древнерусских материалов нами выявлен 21 крест домонгольского времени, изготовленный из подобной породы, и 5 фрагментов самой породы, причем 10 крестов и 3 фрагмента происходят из Новгорода⁵³ (Рис. 3). Частично эта категория новгородских древностей была затронута исследованиями М. Д. Полубояриновой⁵⁴. На остальной территории Древней Руси подобные кресты происходят из кладов в Старой Рязани, где они оформлены украшенны-

ми зернью серебряными насадками (Рис. 4: 1, 2)⁵⁵, из клада 1865 г. во Владимире (Рис. 4: 4)⁵⁶, из княжеского погребения в Андреевском Янчине монастыре в Киеве (Рис. 4: 3)⁵⁷, из раскопок на территории фундаментов Десятинной церкви⁵⁸. Случайные находки известны в собрании ГИМ⁵⁹ в собрании Б. И. и В. Н. Ханенко (городище Княжа гора, Черкасского уезда Киевской губернии, село Монастырек Каневского уезда Киевской губернии)⁶⁰, в коллекции В. Е. Гезе – И. С. Остроухова (ныне в собрании ГТГ)⁶¹, фрагменты такой породы найдены в культурном слое городища Шепетовка под Киевом (Рис. 4: 5)⁶², а также в Звенигороде Галицком (раскопки И. К. Свешникова, 1987 г.)⁶³.

Поскольку большинство крестов, среди которых определенно есть заготовки изделий, а также отходов камнерезного ремесла происходят из Новгорода, то местом производства подобных крестов стоит считать именно этот древнерусский город. Время их изготовления стоит отнести к середине XII в., так как второй половиной XII – первой третью XIII в. датируется выпадение некоторых из них из среды бытования. Фрагмент камня, найденный на усадьбе И, представляется нам несколько оторванным от основной серии артефактов. Этот крест происходит из квадрата, составляющего юго-западный угол раскопа. Он мог выпасть из верхних слоев защищенной стенки⁶⁴.

На изготовление крестов именно в Новгороде указывает и сам камень. Данная порода, характеризуемая в публикациях различно (порфирит, листвинид, серпантин, змеевик), на основе петрографического анализа новгородских находок, проведенного с.н.с. Центрального научно-исследовательского геологоразведочного музея С. В. Мамоновым (Санкт-Петербург), определяется как плагиоклазовый андезитовый порфирит, близкий по своим параметрам к породам суйсарского гранитного комплекса, известного на территории Карелии⁶⁵. Зеленый цвет обусловлен присутствием окислов железа. Экспертное заключение с.н.с Института геологии Карельского научного центра РАН к.г.м.н. А. Д. Лукашова и н.с. В. Г. Пудовкина (Петрозаводск) указывает месторождения такого камня в Финляндии – севернее г. Тампера и юго-восточнее г. Порво. В Карелии породы аналогичного состава под названием «виданский порфирит» обнажаются в районе Сямозера, которое упоминается в берестяной грамоте № 131 (конец XIV в.), сообщающей о сборе «празги» в Прионежье⁶⁶. В момент ее написания сямозерцы находились в Новгороде. Этот регион

Карелии попадает в сферу древнерусского уже в XII–XIII вв., что объясняет поступление сюда стандартных типов древнерусских вещей⁶⁷. С учетом историко-археологических реалий XII–XIV вв. возможно предположить «карельское» происхождение изучаемого камня.

В Центральной и Южной Европе также известны месторождения породы (*marble laconicus Spartae*), схожей по расцветке и структуре рисунка с интересующим нас порфиритом. Из сокровищ герцога Саксонского и Баварского Генриха Льва (+1195 г.) происходит *altare portatile* второй половины XI в. (Рис. 4: 6), изготовленный из подобной породы, определенной как *porfirido verde antico*⁶⁸. Представляется все же маловероятным происхождение камня, послужившего основой для изготовления предметов христианского культа как в Древней Руси, так и в Центральной Европе, из единого месторождения. Особенности религиозной эстетики как на Востоке, так и на Западе могли обусловить независимое друг от друга использование одинакового камня для изготовления христианских святынь.

Большинство крестов происходит из подъемного материала. В тех случаях, когда мы можем что-либо сказать об археологическом комплексе, характеризующем среду, в которой они бытовали, то речь должна идти о высоком

социальном и имущественном ранге их владельцев, будь то княжеские погребения Киева или боярские клады Рязани и Владимира. В Новгороде известные кресты и фрагменты по-роды связаны с усадьбами боярской аристократии (усадьбы Б, Д, И Неревского раскопа, усадьба Е Троицкого раскопа).

Дальнейшая судьба каменных крестов из плагиоклазового порфирита также свидетельствует об их принадлежности к культуре древнерусской аристократии. Целый ряд крестов из подобного камня в XVI–XVII вв. украшается серебряными насадками и накладками и получает ювелирное оформление в стилистике эпохи. Три креста происходят из ризницы Троице-Сергиевой Лавры, причем два из них считаются вкладом Ивана Грозного (Рис. 5: 1)⁶⁹, а еще один является даром стольника Ивана Васильевича Янова 1666 г. (Рис. 5: 2, 3)⁷⁰. Такие кресты есть в собрании ГИМ⁷¹, ПГОИХАМ⁷² и Переяславль-Залесского музея-заповедника⁷³. Несмотря на то, что исследователи по-разному идентифицировали материал, из которого они изготовлены (тальковый сланец, зеленая яшма, порфирит миндалекаменный), внешнее сходство камня ранних и поздних крестов позволяет считать, что весь исследуемый корпус изготовлен из одной плагиопорфиритной породы приблизительно в одно время.

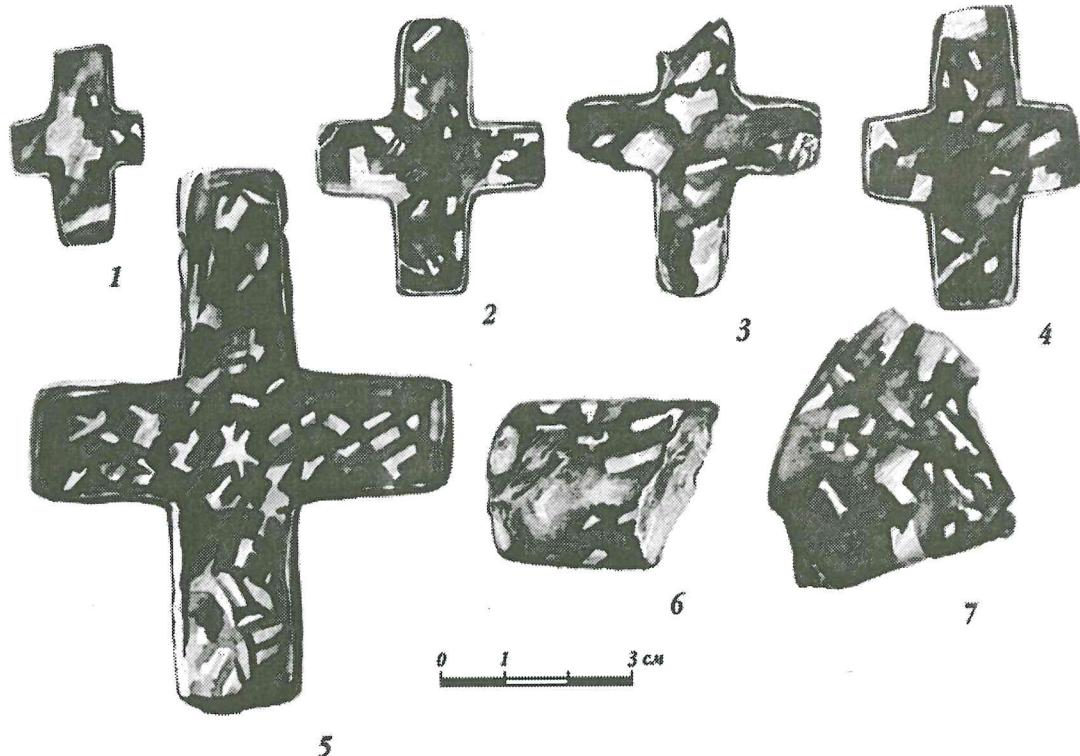

Рис. 3. Кресты XII–XIV вв. и фрагменты породы плагиоклазового порфирита из Новгорода.

1 – Неревский раскоп (НАЭ, 16/17-14-667); 2 – Троицкий раскоп (НАЭ, +1-1395); 3 – Случайная находка (НГОМЗ, КП 25408/A18/68 ПМ); 4 – Случайная находка (НГОМЗ, КП 2237/10); 5 – Случайная находка (РЭМ, № 2248-1); 6 – Неревский раскоп (НАЭ, 23/24-26-1245); 7 – Троицкий раскоп (НАЭ, 6-966)

Столь длительное переживание крестов из плагиоклазового порфирита в культуре средневековой Руси требует своего объяснения. В лаврских описях XVII в. та порода определена как «камень аспиден зелен». В Древней Руси этот камень должен был восприниматься как змеевик⁷⁴, который в средневековых представлениях обладал целым набором апотропейских свойств: исцелял и предупреждал змеиные укусы и способствовал заживлению ран и переломов⁷⁵. Сочетание представлений о целебных и защитных свойствах зеленого камня, послужившего материалом для изготовления предметов культа, редкость этой породы и традиционность почитания христианских святынь способствовало, на наш взгляд, их превращению в семейные реликвии. Факт наследования нательных крестов и каменных иконок надежно зафиксирован в источниках⁷⁶. Так, княгиня Юлиания, вдова Бориса Васильевича Волоцкого, завещает около 1503 г. своему ожидаемому в будущем внуку «икону камень зелен (выделено нами – А. М.) обложену золотом»⁷⁷, а в другой грамоте – «три кресты камены с золотом»⁷⁸.

Генеалогия и высокое положение рода Яновых в системе российского общества в конце XVI – начале XVII вв., тоже владевших интересующими нас предметами личного благочестия, способна подтвердить гипотезу о крестах из зеленого порфира как фамильных реликвий. В данном случае для нас не принципиально, восходит ли род к Ивану Андреевичу Яну Ростовскому середины XV в., в

связи с чем Яновы и оказываются «царю Шуйскому по жene племя», или же что Яновы ведут свое начало от Михаила Даниловича Янова, удельного боярина Василия Дмитриевича Шемячика⁷⁹. Представители этого рода в XVI–XVII вв. являются постоянными и богатыми вкладчиками в Троице-Сергиеву лавру⁸⁰, они предстают перед нами знатными и состоятельными, связанными в своей государственной деятельности с Новгородом, и среди их семейных реликвий вполне могли находиться предметы домонгольской эпохи. Представляется, что отмеченный выше ряд исторических моментов в своем единстве – передача фамильных реликвий по наследству, материальная ценность предмета, связанная с редкостью камня и возможным наличием серебряных накладок с ювелирной орнаментацией, особенности исторической психологии, воспринимавшей данный камень в единстве его символических, эстетических и психотерапевтических свойств – и определили столь длительное, вплоть до XVI–XVII вв., бытование в аристократической среде Московской Руси каменных крестов, вырезанных в Новгороде в середине – второй половине XII в. Таким образом, появление крестов из плагиоклазового порфирида в археологическом комплексе может служить индикатором для определения социального статуса владельцев усадьбы. Очевидно, усадьба И Неревского раскопа была связана с родовой новгородской аристократией уже в XI–XII вв.

Прояснив вопрос об изначальной принадлежности усадьбы и о возможном проживании

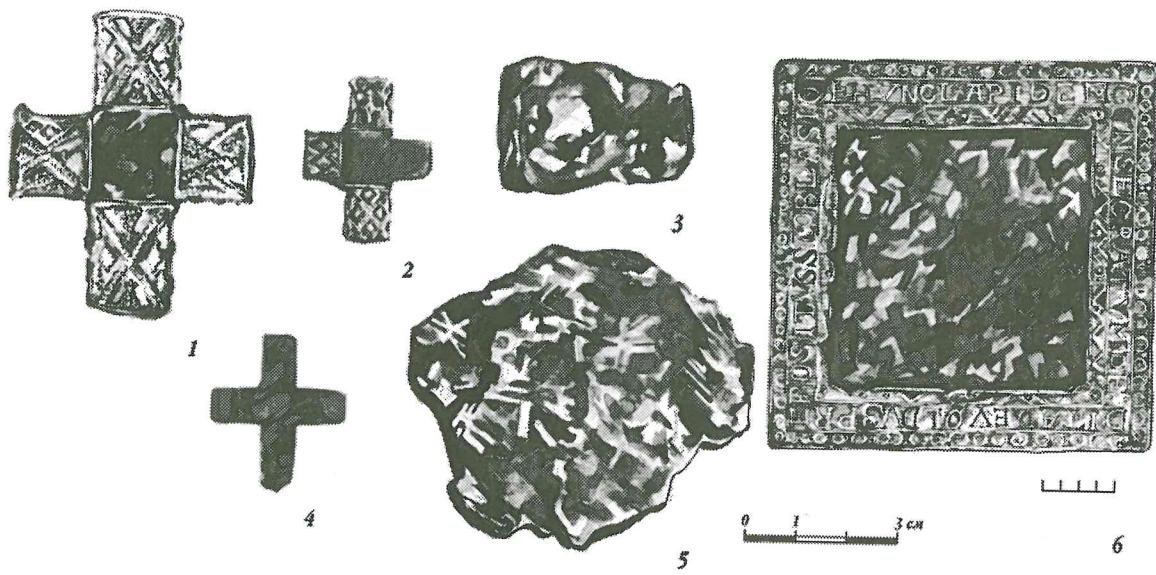

Рис. 4. Изделия из плагиоклазового порфирита XI–XIII вв. и фрагменты породы с территории Древней Руси и Центральной Европы.
1 – Старая Рязань, клад 1970 г.; 2 – Старая Рязань, клад 1950 г.; 3 – Киев, раскопки И. Хойновского, 1892 г.; 4 – Владимир, клад 1865 г.; 5 – Шепетовка, Украина, раскопки М. К. Каргера; 6 – Алтарная плита из сокровищ герцога Генриха Льва, вторая половина XI в.

Цуй-
я ве-
Яно-
вича
VI-
ыми
они
ель-
й де-
ных
теты
Э от-
'ов в
ти-
есть
воз-
ове-
эри-
ный
ети-
гоп-
VI-
жеде
зан-
уви-
в из
чес-
ром
ель-
юго
кой
иад-
ции

здесь членов клира во второй половине XII – первой половине XIII вв., необходимо рассмотреть вопрос о связях этой усадьбы с духовенством и позднее, в конце XIV – начале XV вв. И в это время на усадьбе бытовали предметы личного благочестия, имеющие уникальный характер, в частности, деревянный резной крест первой половины – середины XV в. (2-3-1550). Здесь известна берестяная грамота № 359 (1396–1422 гг.)⁸¹, адресованная игумену сельским управляющим Парфением, и сообщающая, по нашему мнению, о предстоящем суде владычного наместника в Ладоге⁸². Это должно свидетельствовать о связи интересующей нас усадьбы со священнослужителем высокого ранга, которому подчинялась группа сельского населения Водской или Обонежской пятини, находящейся в судебной юрисдикции новгородского архиепископа.

Однако самая яркая находка из интересующего нас круга предметов была сделана в 1957 г. в слоях второй половины XIV в., где было обнаружено навершие деревянного посоха с именем владельца – «Емелин» (8-11-1594; КП 33016/A6/24; 1362-1382 гг.)⁸³ (Рис. 2: 20). Навершия такого т-образного типа являются признаком древнейшей формы посохов, используемых в церковной культуре как символ власти епископа или игумена, при этом на христианском Востоке, в том числе и на Руси, такая архаическая форма удерживалась дольше всего⁸⁴. Одновременно на усадьбе Е Неревского раскопа, также входящей в городской домен Мишиничей, в слоях 1369–

1396 гг. найдена берестяная грамота № 253, содержащая распоряжение Максима Онцифоровича о выдаче зерна Емельяну, который, судя по контексту, занимал достаточно высокий социальный ранг⁸⁵. Очевидно, что некий Емелиан, возможно, занимающий определенное положение в церковной иерархии, в последней четверти XIV в. не только проживал на усадьбе, принадлежащей роду Онцифоровичей, где в это время селились члены клира, но и имел право пользоваться продовольственными запасами патронимии.

Вместе с тем существует уникальный памятник древнерусского прикладного искусства конца XIV – начала XV вв., который, будучи наверняка связан с патронимией Мишиничей-Оницифоровичей, способен предоставить избыточную информацию о членах этого рода. Речь идет о двусторончатой серебряной панагии, известной в литературе как «панагия архиепископа Серапиона», поскольку она явилась вкладом этого новгородского святителя в Троицкий монастырь в 1512 г. (СПИХМЗ № 67)⁸⁶. (Рис. 6). Кольцевое поле оправы несет на себе медальоны со святыми, среди которых изображены святитель Емелиан (Кизического – ?, память 8 января и 8 августа) и мученик Онцифор (память 9 ноября). На внутренней стороне створок помещаются изображения Божией Матери «Знамение» и Ветхозаветной Троицы, которые, по предположению Л. И. Лифшица, стилистически ориентированы на монументальную живопись Новгорода, в частности на роспись Феофана Грека 1378 г.⁸⁷

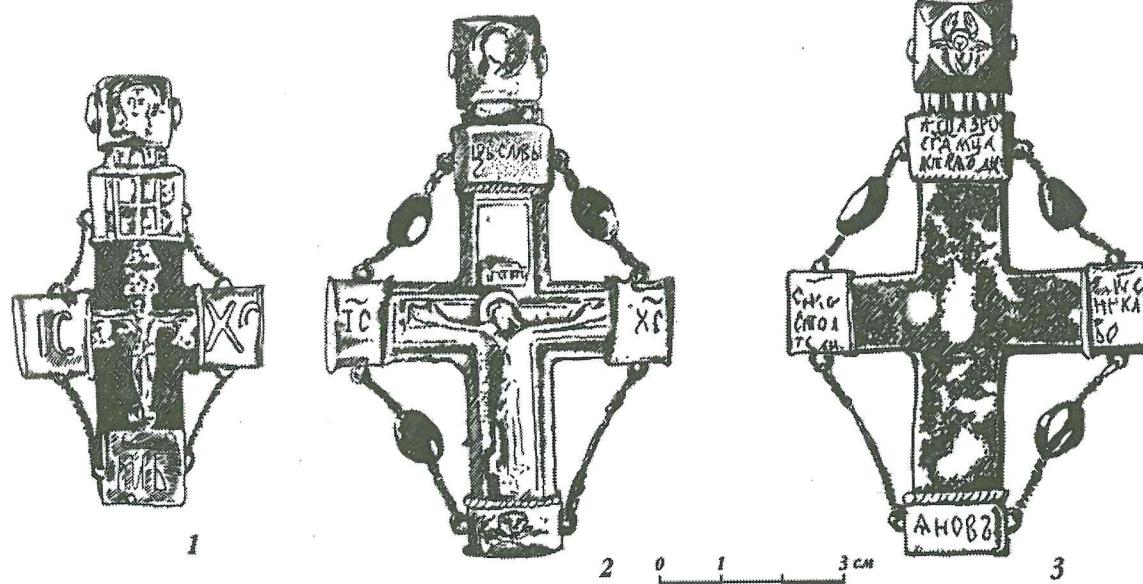

Рис. 5. Кресты из плагиоклазового порфирита с ювелирным оформлением XVI–XVII вв.
1 – Ризница Троице-Сергиевой лавры (№ 151/№ 1866); 2 – Ризница Троице-Сергиевой лавры (№ 154/№ 1869), лицевая сторона; 3 – Ризница Троице-Сергиевой лавры (№ 154/№ 1869), обратная сторона

Вместе с тем известно, что архиепископ Евфимий Брадатый, избранный на престол св. Софии в 1423 г. носил имя Омелиан, а в рукописных сборниках широко известна архиерейская присяга священномонаха Емелиана⁸⁸. Видя в Омелиане 1423 г. заказчика панагии и учитывая редкость патрональных изображений и весьма высокую вероятность новгородского происхождения святыни, И. А. Стерлигова предполагает принадлежность заказчика к роду Оницифоровичей, считая, что его полное имя могло быть «Емелиан Оницифорович». Однако исследовательница воздержалась от уточнения системы родственных связей⁸⁹. Мы же логично полагаем, что перед нами еще один сын Оницифора Лукича, не упоминаемый другими источниками, но благодаря имени Емелиан, полученному в рясофорном постриге, сопоставимый с владельцем деревянного посоха (8-11-1594), персонажем берестяной грамоты № 253 и, предположительно, с игуменом грамоты № 359. В определенный момент времени он проживал на усадьбе И, входящий в городской домен Мишиничей.

Не противоречит нашему предположению и все то, что мы знаем об архиепископе Евфимии из летописных и агиографических произведений. Евфимий-Емелиан, скончавшийся 1 ноября 1429 г., был владыкой 5 лет и 5 недель, будучи до этого еще год и две недели «чернецом на сенях»⁹⁰. Следовательно, его хиротонию можно отнести к концу сентября 1424 г., а наречение – к середине сентября 1423 г.; А. Г. Бобров точно датирует это событие 31 августа 1423 г.⁹¹ Этому событию предшествовала вынужденная отставка так и не сподобившегося хиротонии «чернца на сенех» игумена Клопского монастыря Феодосия. А. С. Хорошев полагает, что «сведение» в 1423 г. с «сеней» угодного демократическим слоям Новгорода игумена малоземельного монастыря было обусловлено «резким расхождением политических устремлений владыки с олигархической верхушкой Новгорода»⁹². Л. А. Дмитриев так же полагает, что избрание игумена Феодосия летом 1421 г. произошло в результате социального взрыва, вызванного столкновением бедного землею монастыря, имевшего к тому же промосковскую антибоярскую ориентацию, с крупными новгородскими землевладельцами⁹³.

Вместе с тем такая интерпретация церковных событий требует некоторой корректировки. В. Л. Янин называл в числе причин восстания 1421 г. нарушение пропорциональности кончанского представительства в посадничестве от Неревского и Славенского конца,

а в числе инициаторов возмущения – бояр Оницифоровичей. По мнению исследователя, этот год стал временем падения могущества данного клана, поскольку впоследствии источники не упоминают об участии представителей этого клана в органах государственного управления. Однако, А. Г. Бобров обратил внимание на то, что в том же 1421 г. Лукьян Оницифорович, словно в ознаменование крупного политического успеха, строит церковь Преображения на Розваже, а само восстание 1421 г. должно было закончиться несомненной победой Неревских бояр, поскольку его результатом явилось расширение представительства их конца в органах исполнительной власти, а число человеческих жертв оказалось минимальным⁹⁴. По предположению исследователя, игумен Клопского монастыря Феодосий как раз был креатурой Оницифоровичей, политическое падение которых стоит отнести к 1423 г. и связать как раз с низведением Феодосия⁹⁵. Таким образом, представитель «демократических», «малоземельных», «промосковских» и «антибоярских» слоев новгородского общества вполне закономерно оказывается ставленником боярской олигархии. Об отчетливых связях Оницифоровичей с Клопским Троицким

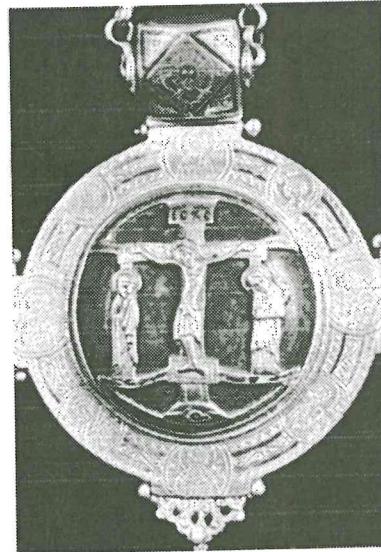

Рис. 6. Панагия архиепископа Евфимия I Брадатого (т. н. «панагия архиепископа Серапиона», 1423/1424 г.) (компьютерная графика – С. Е. Торопов) 1 – образ свт. Емелиана, 2 – образ мч. Онцифора

монастырем свидетельствует и синодик этой обители, созданный в 1660 г., но очевидно восходящий к более древнему протографу, где упоминаются шесть поколений рода Мишиничей⁹⁶.

В контексте тесных отношений игумена Феодосия с новгородским боярством надо искать и причины неожиданного смещения «чернеца на сенях». Его отставка, согласно летописи, связана с нежеланием местной аристократии иметь на святительской кафедре человека, лишенного местных корней: «не хотим шестника владыкой»⁹⁷. В этих условиях выдвижение новгородской элитой на епископскую кафедру кандидата непосредственно из своей среды представляется более чем закономерным. Таким кандидатом мог быть священноинок Омелиан, сын Оницифора Лукича, который принимает полный монашеский постриг с именем Евфимий только после избрания на архиерейство.

Следовательно, уход Оницифоровичей с новгородской исторической сцены нельзя отнести к 1421 г., когда они добились успеха своего политического выступления и закрепили его поставлением на святительскую кафедру игумена Клопского монастыря, донаторами которого они, как свидетельствует синодик, и являлись. Нет оснований связывать их падение и с событиями 1423 г., когда один ставленник, был, по сути дела, заменен другим, бывшим к тому же их родственником. Очевидно, закат династии Мишиничей-Оницифоровичей стоит отнести ко времени после кончины архиепископа Евфимия в 1429 г., поскольку до этого времени их общественное положение было надежно защищено фактическим главой Новгородского государства.

В связи с темой нашего исследования отметим, что устоявшееся в историографии мнение о личной неприязни Евфимия I к Феодосию и его монастырю не подтверждается адекватным прочтением источника, в частности, жития прп. Михаила Клопского⁹⁸. Сообщая о поставлении Евфимия I на кафедру древнейшая редакция жития характеризует его, также, кстати, как и самого Феодосия, как «мужа честна». Непредвзятое отношение к тексту позволяет объяснить отсутствие владыки на похоронах Клопского игумена лишь тем, что его кончина произошла на праздник Покрова, что подразумевало участие архиепископа в богослужениях кафедрального собора. Житие специально отмечает, что погребение состоялось «по благословению архиепископа», тогда как задержка должна объясняться чудесным обретением прп. Михаилом монастырского олена, на поиски которого понадобились как раз три дня⁹⁹.

То же стоит сказать и в отношении пророчества прп. Михаила о скорой кончине архиепископа Евфимия. Ранее он уже предсказал скорую отставку с «сеней» игумена Феодосия, так что подобные предсказания характеризуют лишь пророческий дар преподобного, а не его отношение к окружающим. Отметим, что в первой редакции жития напрочь отсутствует осуждающий личностный мотив. Речь идет лишь о том, что обычный епископский побор с монастыря не будет использован Евфимием I из-за его близкой смерти. Однако вторая (1490–1500-е гг.) и «Тучковская» (1537 г.) редакции определенно вводят в повествование дидактический элемент, дополняя его в первом случае сообщением об особой миссии преподобного с целью вернуть монастырю его коня, что неизвестно первой редакции. Если вторая редакция содержит нравственное обличение алчности епископа, то «Тучковская» редакция говорит уже о нарушениях в области канонического права¹⁰⁰. Очевидно, это отражало практику архиерейского управления в Новгороде, изменившуюся в московское время. Личность архиепископа Евфимия I стала жертвой полемики, продиктованной обстоятельствами времени, для чего был использован этически нейтральный пассаж первой редакции.

Нашему предположению о связи священноинока Емельяна с патронимией Оницифоровичей в Неревском конце не противоречит тот факт, что он был возведен на кафедру «от святого Воскресения с Деревяницы»¹⁰¹. У нас нет конкретных свидетельств о связях Мишиничей с этим монастырем, однако его особый статус, порожденный близостью к архиерейскому дому допускает, что очередной кандидат на архиерейство мог быть взращен именно там. Очевидно, до 1423 г. Емелиан Оницифорович покидает усадьбу И, чтобы поселиться на Деревяницах. В этой связи вполне логично погребение архиепископа Евфимия именно в Деревяницах, а не в Мартириевой паперти Софийского собора, что подтверждается данными Иерусалимского устава 1489 г. (Новгородско-Псковское собрание ИРЛИ, № 89, л. 296 об.), где говорится о заупокойной службе и трапезе в монастыре на день его памяти¹⁰².

Итак, если наше предположение верно, то Оницифор Лукич имел 5 сыновей – Максима, Афанасия, Юрия, Лукьяна и еще одного, который в рясофорном постриге принял имя Емелиан. Последний из них предпочел духовную карьеру, став клириком одной из церквей на территории патронимии, проживал на усадьбе И вместе с другими священнослужителями, а впоследствии возглавил местную Церковь с

именем Евфимий, став 25 святителем Новгородским. В связи с этим создание панагии должно быть отнесено ко времени до его хиротонии, которая должна была сопровождаться постригом в мантию и переменой имени, т. е. до сентября 1424 г. Наиболее вероятное время создания произведения – сентябрь 1423 г. – сентябрь 1424 г., т. е. время от наречения до интронизации. В этом случае, панагия является специальным заказом, знаменующим вступление в дом Святой Софии нового архиерея.

Таким образом, комплексный анализ христианских древностей и берестяных грамот, найденных при археологических раскопках усадьбы И Неревского раскопа, с привлечением широкого круга аналогий позволяет существенно уточнить историю этого городского двора. Удалось выдвинуть аргументированный тезис об изначальной связи усадьбы с новгородским боярством, что дополнительно обосновывает гипотезу об устойчивости и наследственности боярского землевладения в Новгороде, восходящего к протогородским поселкам хуторского типа¹⁰³. Исследование древнерусских крестов из плагиоклазового порфира позволило установить их новгородское происхождение и принадлежность к культуре социальной верхушки Древней Руси, что и обусловило их длительное бытование в течение XII–XVII вв. В результате проведенного исследования мнение о традиционности проживания духовенства на усадьбе в XII–XV вв. получило необходимое обоснование. Постоянство коллективного проживания духовенства на территории боярской усадьбы свидетельствует как о тесных связях древнерусского клира с социальной структурой общества, так и об особых формах организации городского духовенства, сравнимых с каноникатами Западной Европы. Небольшие по размерам постройки усадьбы отныне можно интерпретировать не как жилища зависимых ремесленников, а как отдельные кельи местных клириков. Изучение владельческих надписей на бытовых предметах в контексте информации берестяных грамот и иконографии памятников прикладного искусства позволило уточнить генеалогию потомков Оницифора Лукича. В процессе исследования удалось выяснить происхождение новгородского архиепископа Евфимия I Брататого (1423–1429 гг.) и конкретизировать дату создания так называемой «панагии Серапиона». Представляется, что изучение археологических находок в рамках такой исторически существовавшей единицы городского общества как усадебный двор представляется наиболее перспективным направлением современной го-

родской археологии Древней Руси, приходящим на смену традиционному исследованию артефактов, объединяющему их по принципу единства материала и технологии изготовления. Подобный подход позволяет продемонстрировать несостоительность утверждений, что в новгородской археологии отсутствуют «достаточно четко выраженные признаки привилегированной боярской усадьбы»¹⁰⁴.

¹ Неревские раскопы – XVI (1955–1956 гг., кв. 1157–1161, 1164–1168, 1171–1175, 1178–1182), XVII (1955–1956 гг., кв. 1185–1187, 1200–1202, 1215–1217, 1230–1232, 1245–1246), XXII (1957–1958 гг., кв. 1506–1535), XXIII (1957–1958 гг., кв. 1536–1575), XXIV–XXV (1957 г., кв. 1576–1659), XXVIII (1958–1959 гг., кв. 1760–1859), XXIX (1959 г., кв. 1864–1913), XXX (1959–1960 гг., 1914–2023).

² Засурцев П. И. Жилища древнего Новгорода // Жилища древнего Новгорода. Труды НАЭ. Т. IV. МИА №123. М., 1963. С. 102–106, 138–144; Засурцев П. И. Новгород, открытый археологами. М., 1967. С. 79, 100, 129, 154, 159.

³ Засурцев П. И. Жилища древнего Новгорода. С. 144.

⁴ Петров М. И., Сорокин А. Н. О размерах усадеб древнего Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып.11. Новгород, 1997. С. 61–62.

⁵ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. Историко-генеалогическое исследование. М., 1981. С. 9–14; Янин В. Л. Я послал тебе бересту... М., 1998. С. 88–104.

⁶ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.) М., 1958. С. 20–22, 24–29; Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958. С. 52–53, 65; Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 гг.). М., 1963. С. 94–95, 88–90; Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). М., 1963. С. 99–100.

⁷ Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 гг.). С. 43–47, 50–52.

⁸ Там же. С. 57–58, 68–71.

⁹ Там же. С. 68–71.

¹⁰ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). С. 38–41; Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). С. 126–127, 131–132, 132–133, 136–137, 140–141, 144–145, 146–147.

¹¹ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). С. 134–135, 137–140.

¹² Янин В. Л. Я послал тебе бересту... С. 104–109.

¹³ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). С. 61–62; Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). С. 66–67, 151; Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 гг.). С. 9, 13, 17–20, 66–67; Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина... С. 29; Янин В. Л. Я послал тебе бересту... С. 111.

¹⁴ Зализняк А. А., Малыгин П. Д., Янин В. Л. Литературные тексты на берестяных грамотах // Вестник РАН. Т. 72, № 6. 2002. С. 510–514.

¹⁵ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). С. 151.

¹⁶ Янин В. Л. Я послал тебе бересту... С. 111.

¹⁷ Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 гг.). С. 18–20.

- ¹⁸ Седова М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (Х–XV вв.). М., 1981. С. 173, 175. Рис. 74, 1.; Седова М. В. Серебряный сосуд XIII в. из Новгорода//СА. 1964. № 1. С. 334–335.
- ¹⁹ Янин В. Л. Я послал тебе бересту... С. 111–112.
- ²⁰ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина... С. 29.
- ²¹ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). С. 61–62. А. В. Арциховский сравнивает содержание этой грамоты с берестой № 173, также адресованной священнику. Указывая, что «заглагали они близко одна от другой», исследователь делает вывод, что «по-видимому, здесь был поповский дом». Однако в действительности грамоты найдены на разных усадьбах: их разделяет Великая улица.
- ²² Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина... С. 28–29.
- ²³ Седова М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода. С. 173.
- ²⁴ Седова М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода. Рис. 74, 4–6; Седова М. В. Каменные иконки древнего Новгорода//СА. 1965. № 3. С. 262–266; Седова М. В. Паломнический комплекс XII в. с Неревского раскопа. // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 90–93.
- ²⁵ Седова М. В. Паломнический комплекс XII в. с Неревского раскопа. С. 90.
- ²⁶ Мусин А. Е. Христианская община средневекового города Северной Руси XI–XV вв. по историко-археологическим материалам Новгорода и Пскова. Автореф. докт. дис. СПб., 2002. С. 30–31, 32.
- ²⁷ Седова М. В. Паломнический комплекс XII в. ... С. 92–93. Рис. 2; 1–2; Залесская В. Н. Группа свинцовых ампуль-эвлогий из Фессалоники // СА. 1980. № 3. С. 263–269. Подобная ампула, чуть меньшего размера, происходит с усадьбы Ж Федоровского раскопа из постройки Ф6-37 (5-17-495; 1136–1152 гг.). На сегодняшний день это древнейший экземпляр в Новгороде.
- ²⁸ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 241, 242, 244–247, 266, 268–270.
- ²⁹ НПЛ. М.; Л. 1950. С. 417, 422; Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 280–281; Янин В. Л. Печати из новгородских раскопок 1955 г. // Труды НАЭ. Т. I. МИА № 55. М., 1956. С. 304–305. Рис. 1: 9.
- ³⁰ Христианские древности, являющиеся ювелирными изделиями, были проанализированы и опубликованы М. В. Седовой безотносительно их усадебной принадлежности: Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода. С. 52. Рис. 80, 9. С. 58. Рис. 17, 1, 2. С. 41. Рис. 12, 15. С. 41. Рис. 14, 6. С. 69. Рис. 23, 3, 4. С. 54. Рис. 16, 20. С. 58. Рис. 17, 1, 2. С. 58–59. Рис. 80, 19. Рис. 74, 5.
- ³¹ Мальм В. А. Крестики с эмалью // Славяне и Русь. М., 1968. С. 113–117; Сагайдак М. А., Сергеева М. С., Михайлов П. С. Дослідження Київського Подолу // Археологічні дослідження в Україні 1993 року. Київ, 1997.
- ³² Kalavrezou-Maxeiner I. Byzantine Icons in Steatite // Byzantine Vindobonensis. Bd. 15/1. Wien, 1985. P. 136–137. Pl. 26–27. № 45; Belting H. Das Bild und sein Publikum im Mittelalter. Berlin, 1981. S. 142–198.
- ³³ Корзухина Г. Ф. Памятники домонгольского медного литья // Архив ИИМК РАН. Ф. 77. Д. № 17. Л. 44; Она же. О памятниках «корсунского дела» на Руси // ВВ. 1958. XIV. С. 133.
- ³⁴ Медынцева А. А. О датировке некоторых типов энколпионов//Археологический сборник МГУ. М., 1961. С. 68.
- ³⁵ Шаполов Р. Г. Классификация и хронология изделий из янтаря Неревского раскопа // ННЗ. История и археология. Вып. 14. Новгород, 2000. С. 149–165.
- ³⁶ Корзухина Г. Ф. Памятники домонгольского медного литья. Л. 55.
- ³⁷ Благодарю за консультации с.н.с. ИИМК РАН к.и.н. А. А. Пескову.
- ³⁸ Лесман Ю. М. Мотив креста в декоре ювелирных изделий Новгорода XI–XIV вв. // Церковная археология. Материалы Первой Всероссийской конференции. Псков, 20–24 ноября 1995 года. Ч. 2. Христианство и древнерусская культура. СПб.; Псков, 1995. С. 16–17.
- ³⁹ Колчин Б. А. Новгородские древности. Резное дерево // САИ. Е1-55. М., 1971. С. 13. Табл. 4, 4.
- ⁴⁰ Из коллекций академика Н. П. Лихачева. Каталог выставки. СПб., 1993. С. 69–70. №№ 169, 170, 171, 172, 173, 174, 176; Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Band 3. 1978. Taf.46: c, d. S. 545–552.
- ⁴¹ Муретов С. Исторический обзор чинопоследования проскомидии до «Устава литургии» Константинопольского патриарха Филофея. Опыт историко-литургического исследования. М., 1895. С. 197; Мусин А. Е. О некоторых особенностях древнерусского богослужения XI–XIII вв. (Церковь Преображения Господня на Нередицком холме в литургическом контексте эпохи) // НИС. № 8 (18). СПб., 2000. С. 227, 228–237.
- ⁴² Никольский К., протоиерей. Пособие к изучению устава Богослужения Православной Церкви. СПб., 1884. С. 651–653, 658–661.
- ⁴³ Шелов Д. Б. Новгородская мирница и сарматские фляконы//Культура древней Руси. М., 1966. С. 294.
- ⁴⁴ Колчин Б. А. Новгородские древности. Резное дерево. С. 13. Табл. 4, 3.
- ⁴⁵ Толстой И. И. О русских амулетах, называемых змеевиками // ЗРАО. 1888. Т. III. С. 391–393. №№ 30–32.
- ⁴⁶ Орлов А. С. Амулеты-«змеевики» Исторического музея. Отчет ГИМ за 1916–1925 гг. М., 1926. С. 13–26.
- ⁴⁷ Николаева Т.В., Чернецов А.В. Древнерусские амулеты-змеевики. М., 1991. С. 24
- ⁴⁸ Николаева Т. В., Чернецов А. В. Древнерусские амулеты-змеевики. №№ 25, 26. С. 69–70, 105. Табл. XII, 1, 2, 3, 4; Лысенко П. Ф. Исследование Берестского отряда // АО за 1973 г. М., 1974. С. 375; Лысенко П. Ф. Берестье. Минск, 1985. С. 212, 267–270. Рис. 184; Седова М. В. Ярополч Залесский. М., 1978. С. 119, 135. Табл. 6; 2, 3.
- ⁴⁹ Янин В. Л., Рыбина Е. А., Хорошев А. С., Гайдуков П. Г., Дубровин Г. Е., Сорокин А. Н. Работы Новгородской археологической экспедиции на Троицком раскопе в 1996 г. // ННЗ. История и археология. Вып. 11. Новгород, 1997. С. 5–9.
- ⁵⁰ Щапова Ю. Л. Стеклянные изделия Новгорода // Новые методы в археологии. Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. III. Материалы и исследования по археологии СССР. № 117. М., 1963. С. 104–164. Особенно: С. 118, 122. Рис. 2: 3, 4; 7: 2, 3; 8: 5, 10, 14, 15.
- ⁵¹ Ханенко Б. И. и В. Н. Древности Поднепровья. Этапы славянской VI–XIII вв. Вып. 5. Киев, 1902. Табл. VIII, № 229; Corinth. V. XII. The minor objects. By G. R. Davidson. Princeton, 1952. Pl. 63. №№ 859, 860; Pl. 59. № 789. P. 128; Dalton O. M. Catalogue of Early Christian antiquities and objects from the Christian east of the British Museum. London, 1901. P. 85, 104. NN. 393, 529.
- ⁵² Янин В. Л. Я послал тебе бересту... С. 55–63.
- ⁵³ Из Новгорода происходят: крест четырехконечный (Н-54, 17/18-14–667, КП-17608/18), 27x17 мм, толщина 10 мм, 1130–1160 гг. (Рис. 3: 1); крест четырехконечный (Н-95, Тр-XII, +1-1395), 42x39 мм, толщина 9 мм, конец XIII – первая половина XIV вв. (Рис. 3: 2); крест четырехконечный (№ 18А/68 ПМ/25408), 45x40 мм, толщина 10 мм, нижний конец обломан, в верхнем конце находится канал для подвешивания, подъемный материал 1970–1972 гг., найден при зачистке dna реки Волхов (Рис. 3: 3); крест четырехконечный (КП-2237/10), 45x33 мм, толщина 3 мм, происходит из подъемного материала, ушко для подвешивания отсутствует, что характеризует его как заготовку, созданную в новгородской мастерской (Рис. 3: 4); крест четырехконечный из коллекции В. С. Пе-

редольского, происхождение неизвестно, находится в экспозиции НГОМЗ (зал 10, витрина 7, № 2240-2); крест четырехконечный из коллекции В. С. Передольского, происхождение неизвестно, находится в экспозиции НГОМЗ (зал 10, витрина 7, № 2237-11), в топографической описи экспозиции материал обоих крестов, со ссылкой на М. Д. Полубояринову, определен как листвинид, а сами кресты датированы XVI–XVII вв. Три подобных креста, небольших по размерам, экспонируются в экспозиции НГОМЗ, все они являются случайными находками и происходят из депаспортизованных коллекций. Еще один крест хранится в фондах РЭМ (2248-1, 80x65 мм), он поступил в музей в 1909 г. из коллекции иеромонаха Антония (Кирилловский уезд Новгородской губернии), однако, учитывая, что даритель долго проживал в самом Новгороде, крест можно считать новгородским (Рис. 3: 5). Из культурного слоя Новгорода происходит два фрагмента породы, которые могут рассматриваться как исходный материал для изготовления крестов или отходы камнерезного производства: уже известная нам находка на усадьбе И Неревского раскопа (Рис. 3: 6), фрагмент породы под четырехугольной формы 33x27x5 мм (20-23-1006; КП-34661/220; 1116–1134 гг.), найденных на усадьбе Б и фрагмент камня неправильной формы, идеально обработанный с двух сторон, найденный на Троицком раскопе, 42x37 мм, толщина 16 мм, (Н-91, Тр-IX, 6-966-95, КП-38944/A123/304), первая половина – середина XIV в (Рис. 3: 7).

⁵¹ Полубояринова М. Д. Полудрагоценные камни и янтарь в Древнем Новгороде // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 80.

⁵⁵ Даркевич В. П., Монгайт А. Л. Клад из Старой Рязани. М., 1978. С. 11. Табл. XVI, 5; Даркевич В. П., Кравченко Т. А., Монгайт А. Л., Раппопорт Л. А. Раскопки на городище Старая Рязань // АО. 1970. М., 1971. С. 81–85. Монгайт А. Л. Старая Рязань // МИА. 1955. № 49. С. 151. Рис. 118, 8.

⁵⁶ Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 5. Курганные древности и клады домонгольского периода. СПб., 1897. С. 109–110. Рис. 159.

⁵⁷ Хойновский И. А. Раскопки велиокняжеского двора древнего града Киева, произведенные весной 1892 года. Археологически-историческое исследование. Киев, 1893, С. 38. Табл. 15. Рис. 83.

⁵⁸ Церква Богородиці Десятинна в Києві. До 1000 ліття освячення. Київ, 1996. С. 150, 152. Рис. 16. (№ НМІУ В-4553/133).

⁵⁹ Россия. Православие. Культура. Каталог выставки. Ноябрь 2000–февраль 2001. М., 2000. С. 17–24. Крест, экспонировавшийся на выставке, в каталоге не упомянут.

⁶⁰ Ханенко Б. И., Ханенко В. Н. Древности русские. Кресть и образки. Вып. 2. Киев., 1900. Табл. 18. Рис. 171, 177.

⁶¹ Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Древнерусское искусство X – начала XV века. М., 1995. С. 214. (№ 12137), С. 218 ГТГ (№ 12177).

⁶² Благодарю к.и.н.с. ИИМК РАН А. А. Пескову, указавшую мне на эту находку (ГЭ-60/105, ОП 40-41, 1.2–1.4)

⁶³ Благодарю к.и.н.с. ИИМК РАН А. А. Пескову, сообщившую мне об этом открытии.

⁶⁴ Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 2. МИА. №65. 1959. Рис. 1.

⁶⁵ Его порода имеет порфировую структуру с гиалопилитовой основой массы, которая на отдельных участках переходит в микроандезитовую (офитовую). Вкрапленники представлены плагиоклазом-альбитом и редкими зернами авгита. Плагиоклаз сильно замутнен микровключениями гидрослюд и хлорита. Серцит редок и составляет менее 1%. Основная масса представляет собой труд-

но диагностируемый агрегат гидрослюд, хлорита, пироксена, микролитов плагиоклаза и рудного вещества. Вторичные изменения характерные для данной породы – слабые гидрослюдизация и окварцевание, хлоритизация и эпидотизация.

⁶⁶ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские берестяные грамоты (из раскопок 1953 и 1954 гг.). С. 68–71.

⁶⁷ Макаров Н. А. Колонизация Русского Севера в X–XIII вв.: некоторые итоги археологических исследований // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 156–166.

⁶⁸ Neumann W. A. Der Reliquienschatz des Hauses Braunschweig – Lüneburg. Wien. 1891. № 12. S. 126–128. Благодарю к.и.н.с. ИИМК РАН А. А. Пескову, указавшую мне это издание.

⁶⁹ № 151/№ 1866. Николаева Т. В. Произведения мелкой пластики XIII–XVII веков в собрании Загорского музея. Каталог. Загорск, 1960. С. 307–308; Олсуфьев Ю. А. Опись крестов Троице-Сергиевой лавры до XIX века и наиболее типичные XIX века. Комиссия по охране памятников искусств и старины Троице-Сергиевой Лавры. М., 1921. С. 40. № 42/44; № 152/№ 1860. Николаева Т. В. Произведения мелкой пластики. С. 308; Олсуфьев Ю. А. Опись крестов. С. 40.

⁷⁰ № 154/№ 1869. Николаева Т. В. Произведения мелкой пластики. С. 309–310; Олсуфьев Ю. А. Опись крестов. С. 76; Леонид (Кавелин), архимандрит. Надписи Троице-Сергиевой лавры. СПб., 1881. С. 51. № 189.

⁷¹ № 55236 ОК 688. Россия. Православие. Культура. Каталог выставки. С. 242.

⁷² № 298.

⁷³ Наши неоднократные обращения к директору музея Г. М. Петровиной и главному хранителю Н. Р. Герасимовой, сопровождаемые исчерпывающими сведениями об известных нам подобных крестах и перечнем соответствующей литературы, с просьбой сообщить хотя бы коллекционные номера экспонатов не получили никакого отклика.

⁷⁴ Макеева И. И. История названий драгоценных камней в русском языке XI–XVII вв. Автореф. канд. дис. М., 1986. С. 3.

⁷⁵ Пыляев М. И. Драгоценные камни. Их свойства местонахождение и употребление. СПб., 1888. С. 10–11; Николаев С. М. Камни. Мифы, легенды, суеверия... Новосибирск, 1995. С. 121, 169, 171–173, 284.

⁷⁶ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей в XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С. 16 (№ 4), 59 (№ 21), 175 (№ 57), 197 (№ 61), 249 (№ 71), 276 (№ 74), 345 (№ 86), 349 (№ 87), 351 (№ 88), 362 (№ 89), 408 (№ 98), 433 (№ 104).

⁷⁷ Духовные и договорные грамоты. С. 351 (№ 88).

⁷⁸ Духовные и договорные грамоты. С. 349 (№ 87).

⁷⁹ Петров П. Н. История родов русского дворянства. Т. I. Рюриков род. Русские природные князья и дворяне. СПб., 1885. С. 97, 100; Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. Опыт исторического исследования. СПб., 1888. С. 92, 528–532; Лихачев Н. П. О происхождении Яновых // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 1900. Вып. 1. Отд. 1. С. 150–154; Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 381.

⁸⁰ Леонид. Надписи. С. 9. № 10; С. 57. № 231; С. 64. № 255; С. 14. № 19; С. 62. № 245; С. 51. № 188; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 601.

⁸¹ Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 гг.). С. 52–54.

⁸² Мусин А. Е. Структуры власти Ладоги XI–XV вв. // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 68–87.

⁸³ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993. С. 116. № 28;

Колчин Б. А. Новгородские древности: Деревянные изделия // САИ. Е 1-55. М., 1968. С. 31. В. Л. Янин датирует находку серединой XIV в.

⁸⁴ Henry W. Baton // Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de Liturgie. Т.2. Р.1. Paris, 1907. Col. 621–623; Leclercq H. Crosse // Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de Liturgie. Т.3. Р.2. Paris, 1914. Col. 3144–3159; Leclercq H. Pastuer (bon), pedum // Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de Liturgie. Т.13. Р.2. Paris, 1938. Col. 2303; Голубцов А. П. О происхождении, символическом значении и устройстве архиерейского посоха // Богословский вестник. № 6. С. 260–279; Чернецов А. В. К изучению эволюции архиерейского посоха и его символики (т. н. «посох Никиты Новгородского») // СА. 1991. № 3. С. 84–97, особ. С. 88–89. Рис. 4; Он же. Резные посохи XV в. (работа кремлевских мастеров. М., 1987; Он же. Три резные посохи // СА. 1980. № 2. С. 94–115; Он же. Погоны Стефана Пермского // ТОДРЛ. 1988. Т.41. С. 215–240; Беляев Л. А. Русское средневековое надгробие (Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв.) М., 1996. С. 116–124.

⁸⁵ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина... С. 21–23; Ариховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопов 1956–1957 гг.). С. 80–81.

⁸⁶ Николаева Т. В. Собрание древнерусского искусства в Загорском музее. Л., 1969. С. 198–199. № 105; Николаева Т. В. Произведения мелкой пластики XIII–XVII веков в собрании Загорского музея. С. 226–230. № 101.

⁸⁷ Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XI–XV века. М., 1996. С. 94–95, 168–171, 379. № 21.

⁸⁸ ИПЛ. С. 414; Понырко Н. В. Евфимий I (Емелиан) Брадатый // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1998. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI вв.). Ч. 1. А–К. С. 205–206.

⁸⁹ Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XI–XV века. С. 170.

⁹⁰ ИПЛ. С. 414, 415.

⁹¹ Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 84.

⁹² Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980. С. 86–87.

⁹³ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. Л., 1929. С. 431; Повести о житии Михаила Клопского. Подготовка текстов и статья Л. А. Дмитриева. М.; Л., 1958. С. 31–35.

⁹⁴ Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. С. 85, 88. Прим. 92.

⁹⁵ Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. С. 88.

⁹⁶ Макарий (Миролюбов), архимандрит. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 1. С. 588.

⁹⁷ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 431.

⁹⁸ Повести о житии Михаила Клопского. С. 43–45, 93, 98, 104–105.

⁹⁹ Повести о житии Михаила Клопского. С. 93.

¹⁰⁰ Повести о житии Михаила Клопского. С. 98, 151–152, 130.

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 431.

¹⁰² Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. С. 90.

¹⁰³ Янин В. Л. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // НИС. № 1 (11). Л., 1982. С. 88–91; Он же. Новгородская феодальная вотчина. Историко-генеалогическое исследование. С. 213–229; Он же. Я послал тебе бересту... С. 199–202.

¹⁰⁴ Алексеев Ю. Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова (К вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины) // Исторические записки. 1979. № 103. С. 271.

Л. В. Покровская

ЮВЕЛИРНЫЕ УКРАШЕНИЯ ЛЮДИНА КОНЦА СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА: ХРОНОЛОГИЯ (по материалам Троицкого раскопа)

В настоящее время Троицкий раскоп, расположенный в Людином конце Новгорода – второй по величине, где, как и на Неревском, вскрыт целый район средневекового города. Его общая площадь составляет около 7000 кв. м, а мощность средневековых культурных отложений в некоторых частях достигает 7 м.

Основные категории ювелирных украшений средневекового Новгорода были подробно рассмотрены М. В. Седовой в монографии «Ювелирные изделия древнего Новгорода (Х–ХV вв.)» (М., 1981). В эту работу включены находки из всех раскопов с 1951 по 1974 гг., в частности, и найденные на Троицком раскопе за период с 1973 по 1974 гг.¹ Сейчас на Троицком раскопе собрано уже более 800 ювелирных украшений, среди них есть височные

кольца, шейные гривны, колты, серьги, фибулы, булавки, привески, браслеты, перстни и спиральки-пронизки, т. е. практически все категории украшений, известные по другим новгородским раскопам, и подробно проанализированные в монографии М. В. Седовой.

Поэтому изучение ювелирных изделий Троицкого раскопа направлено не на подробную характеристику основных категорий украшений, а на выявление хронологических закономерностей распространения разных типов украшений.

В заключительной главе монографии М. В. Седовой дана характеристика отдельных деталей женского костюма по столетиям². При хронологическом анализе украшений Людина конца, найденных на Троицком раскопе, пре-